

Статут ВКЛ и его преференции

Для начала стоит сказать, что где-нибудь в глубинке Российской империи и у нас, на землях бывшего Великого княжества Литовского, дела обстояли по-разному. В 1795 году произошел третий и последний раздел Речи Посполитой, в которую входило и ВКЛ. В результате огромные земли, включая территорию современной Беларуси, были присоединены к России. Это значило, что теперь здесь начинали работать российские законы. На практике же еще довольно долго – вплоть до 1840-го! – в дополнение к ним действовал и Статут ВКЛ в редакции 1588 года. Но только в административных делах. В уголовном праве – уже нет. И если с мужчинами все более-менее ясно – достаточно почитать учебники по истории, – то что это давало женщинам?

– Прежде всего, существовал институт вено. Когда девушка выходила замуж, у нее было приданое, и на него супруг выделял определенную денежную сумму. В случае развода по вине мужа – например, если он изменил или пытался убить супругу, – она забирала и это свое имущество, и вено, – рассказывает Наталья Анофренко, кандидат исторических наук, доцент Института истории Национальной академии наук Беларуси.

То есть при разрыве семейных уз женщина получала вполне приличную финансовую подушку безопасности. Плюс практиковались и брачные контракты, дававшие возможность оговорить, что кому достанется в случае расторжения брака или смерти супруга, а также в какой конфессии воспитывать детей. Вопрос конфессии был особенно важен: в Российской империи практически не было межконфессиональных браков, а вот в ВКЛ – сколько угодно! Поэтому в случае заключения брака между православной женой и мужем-католиком

или наоборот мальчиков воспитывали в религии отца, а девочек – в вере матери. Или же этот вопрос регулировался брачным контрактом. К слову, по нормам Статута венчал новобрачных священник церкви, к которой принадлежала невеста – считалось, что так девушку сложнее принудить к замужеству, мол, жених не вступил в сговор с «коварным попом» и не привел к алтарю похищенную барышню.

Надо сказать, что такая вольница литвинок сильно беспокоила российских чиновников.

– В 1840 году киевский генерал-губернатор, некто Бибилов, подчеркивал, что «польки» – а тогда всех женщин на присоединенных территориях так называли – слишком своевольны и своеправны. Женщины апеллируют к Статуту, имеют больше наследственных и имущественных прав и в результате менее покорны. Собственно, это был один из аргументов, почему свод законов ВКЛ перестал действовать, – продолжает историк.

Об отмене Статута задумывались и раньше, еще после Восстания 1830 – 31 годов. Слишком уж много свободы давал этот документ. Наконец, в 1840-м решение было принято окончательно. Отныне вопросы брака и семьи отдавались на откуп церкви. Считалось, что такой шаг сделает жен более послушными и зависимыми от мужей.

Он, она и закон

После отмены Статута ВКЛ брак перешел в ведение церкви, причем основной конфессией уже было православие. И очень скоро женщины ощутили перемены. Прежде всего, не стало вено, равно как и брачных контрактов. Это значило, что теперь жена при потере мужа оставалась без средств к существованию – у нее больше не было личной собственности.

Впрочем, все же одна лазейка существовала.

— Государство вмешивалось в отношения между супругами исключительно в материальном плане, — говорит Наталья Анофренко. — Любые взаимодействия в семье — например, муж дарит жене имение — это только через договор. Иначе при разводе или смерти супруга она все теряла. Почему эти сделки были интересны государству? Потому что за каждую из них полагалась пошлина. Так вот, муж мог купить и подарить своей жене, скажем, имение. Плюс, когда она выходила замуж, она уже имела какую-то собственность.

[illegible][illegible]

Иже рече знаменитыи шестии похвалити насъ и
симо тѣмъ паче въспомъ и похвалити насъ
паче божь земли и животворецъ животоу здравово
волющимъ нбъ рече хъ на зоревъ и орошати полемъ е
милнство

Статут Великого княжества Литовского, 1588 год

Что такое Статут ВКЛ?

Это основной свод законов Великого княжества Литовского. Он составлял правовую базу государства и регламентировал гражданское, уголовное и процессуальное право. Строго говоря, это еще не Конституция, но ее предвестник.

Документ имел три редакции – 1529, 1566 и 1588 годов. Он складывался на основе западноевропейских и центральноевропейских законодательных актов. На момент своего принятия это был очень прогрессивный корпус законов. Но к XIX веку он, мягко говоря, устарел и некоторые статьи стали восприниматься аллегорически. Например, для женщины, убившей своего ребенка, Статут ВКЛ предусматривал суровое наказание: преступницу сажали в мешок вместе с кошкой и петухом, затем завязывали и топили. Для жителя Средневековья здесь не было ничего странного. Ведь считалось, что мать, совершившая такое, точно в сговоре с дьяволом, а значит, и умертвить ее следовало особым методом, чтобы нечистый не мог больше вредить людям.

На практике это означало, что дворянка может оставить себе при разводе или в случае смерти супруга только имущество, принадлежащее лично ей. Все остальное пойдет детям, а также родственникам мужа. При этом в браке все финансы находились в руках мужчины. Это он давал своей жене деньги на расходы. Или не давал. И возможности это изменить – например, заработать – у женщин практически не было.

– С работой для дворянок все было непросто. Хорошо, если она грамотная, – качает головой историк. – Ведь, чтобы устроиться обычной учительницей, надо было еще сдать экзамен. Сначала просто брали гувернанток. А потом, с усилением государственной пропаганды, все гувернантки и учителя – частные и в пансионатах – должны были проходить определенные испытания.

Уровень женского образования в то время оставлял желать лучшего – многие девушки даже читать не умели. Так что получить должность учительницы могла не каждая. Вполне законной и уважаемой работой для дворянки было родовспоможение. Повивальная бабка, как тогда говорили. Но для этого тоже требовались знания и опыт. Что

еще оставалось? Сделаться служанкой или, если повезет, компаньонкой. Последняя должна была развлекать хозяйку дома разговорами, скрашивать ей вечера за рукоделием, сопровождать ее по делам. Так себе радость, если учесть, что еще вчера ты блистала на балах в дорогих нарядах и бриллиантах. А ведь порой дворянки оказывались в таком бедственном положении, что вынуждены были буквально просить милостыню. И тут уж не до жиру!

Дело Каролины Выгановской

В 1828 – 30 годах в Брестском повете рассматривалось дело некой Каролины Выгановской. Она жаловалась на мужа Чеслава, который затеял с ней бракоразводный процесс и оставил совсем без денег – как саму супругу, так и своих шестерых детей. Бедная женщина еще в 1828-м подала на имя гродненского гражданского губернатора прошение – назначить ей и детям достойное содержание от мужа, пока не оформлен развод. Документ пролежал два года, так и не получив резолюции.

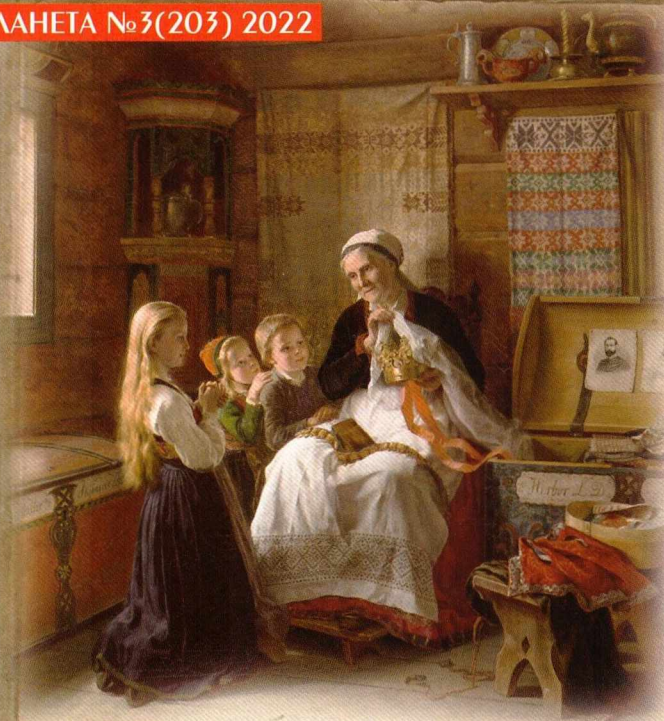
Наконец Каролина, отчаявшись, подала прошение на имя самого... цесаревича Константина. На ее счастье, он внял просьбам бедной женщины – Выгановского заставили платить. Но так везло, увы, не всем.

Юные невесты

Одной из особенностей церковного брака был очень юный возраст невест.

– В 12 – 13 лет выдать девочку замуж считалось нормой. Почему церковь так занижала возраст? Потому что это как раз пубертат, период полового созревания. А значит, чтобы девушка не успела нагрешить, надо ее поскорее отправить под венец. Для нас это выглядит дико – педофилия. А для них – вполне приемлемо, – комментирует Наталья Анофренко. – Тут, кстати, был казус. Возраст, с которого наступала уголовная ответственность,

то есть совершеннолетие – это 17 лет. А параллельно жила вот эта церковная традиция. И взрослые мужчины не видели ничего предосудительно в том, чтобы приставать к 13–14-летним девочкам.

Понятно, что невесты были незрелыми. Как физически, так и интеллектуально. И это приводило порой к очень импульсивным поступкам. Так, в 1830 году в канцелярии Витебского, Могилевского и Смоленского генерал-губернатора рассматривалось дело Марцианы Качановской. Она осталась сиротой в 4 года и воспитывалась в доме своего опекуна, помещика Антония Богомольца. Вдруг, достигнув 13 лет, девочка... вышла замуж за этого человека и подарила ему все свои владения, полученные в наследство от родителей. Такой акт неслыханной щедрости вызвал подозрение у дворянской опеки и губернской администрации: а не принудили ли сироту к этому шагу? Затеяли проверку. Та показала: нарушений нет. Марциана объяснила, что свадьба состоялась по большой любви. Акт же о дарении она подписала «для успокоения супруга». Пришлось комиссии удовлетвориться таким ответом. Тем не менее администрация

высказала пожелание сделать общим правилом следующее: управление родовым имением девушкам разрешить лишь по достижении ими 17 лет. При этом право распоряжаться имуществом – дарить или продавать его – должно было наступать лишь с 21 года.

– Надо сказать, что государство делало и попытки увеличить возраст вступления в брак, – продолжает историк. – Указом от 19 июля 1830 года священникам запрещалось венчать девушек младше 16 лет, а юношей младше 18 лет. Но потребовалось время, чтобы это правило воплотилось в жизнь и стало повсеместным.

Кстати, о принуждении к замужеству. Вообще-то, это было незаконно. Но по факту, конечно же, девочек частенько венчали насильно. В основном в ход шло моральное давление, и доказать это было сложно, практически невозможно.

Венчать или не венчать?

Еще один интересный нюанс: женили не всех. В венчании вполне могли отказать из-за старости. Объяснялось это просто. Зачем, по мнению церкви, нужна семья? Чтобы «плодиться и размножаться». А после 80 лет, как считала опять же церковь, это невозможно. Кстати, импотентов или бесплодных женщин тоже не венчали. Как узнавали о таких интимных сторонах жизни прихожан? Очень просто – те сами рассказывали!

– Первая половина XIX века – это еще не урбанизация. Города есть, но они мещанские. И большинство населения живет в сельской общине. Там вообще все на виду, – объясняет Наталья Анофренко.

А ведь еще была исповедь, и священник в числе прочих задавал и такие вопросы. И на них полагалось отвечать честно.

– Общественное сознание было религиозным. Институт церкви являлся контролирующим органом. То есть любой житель белорусско-литовских губерний как минимум раз в год должен быть на исповеди, – продолжает историк. – Если же он не посещал это таинство больше года и такой факт всплывал на судебном разбирательстве, например, то дополнительно накладывалось наказание – епитимья.

Францишка Толовля и ее замужество

В 1823 году в Минскую римско-католическую духовную консисторию обратился помещик Ксаверий Головля. Разгневанный отец требовал аннулировать брак его дочери Францишки с адвокатом Ковалевским. Последнего истец обвинял в краже, мошенничестве и обмане. Самым же весомым аргументом являлось то, что свадьба состоялась без согласия родителей. В результате было принято решение разлучить молодоженов. Юную жену поместили в монастырь бернардинок. Там она провела три месяца и прямо из заключения отправила письмо в Минскую духовную православную консисторию. В нем девушка высказала горячее желание перейти в православие.

Конечно же, просьба была немедленно выполнена – ведь православие было «титულიной» религией. И хотя отец пробовал сопротивляться и писал, что этот ход придуман лишь для того, чтобы «в новом вероисповедании было возможно оставаться в фальшивом замужестве, которое по решению римско-католической церкви аннулировано», Францишку крестили в православие, а ее брак признали полностью законным.

Непреодолимым препятствием к браку было и отсутствие согласия родителей. Во времена ВКЛ дочь могла пойти наперекор отцу и матери, те в ответ лишали ее наследства – и на этом все. Церковный брак – совсем другая история. Если вдруг всплывало, что венчание произошло вопреки родительской воле – жди беды! Хотя... и здесь можно было выкрутиться. И в этом плане показателен пример Францишки Головли.

Таинство крещения

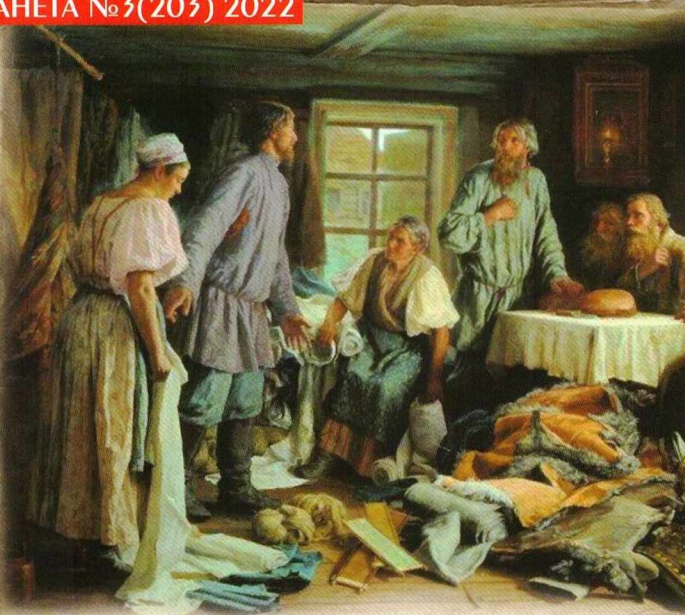
Еще один важный нюанс: после отмены Статута ВКЛ в случае смешанных браков венчание всегда проходило в православной церкви. По умолчанию. Более того, и детей теперь крестили только в православную веру. А уж перейти в католичество было просто немыслимо, за этим строго следили и наказывали – вплоть до уголовного преследования. Так, после судебного процесса в феврале 1840-го император Николай I лично приказал: «Помещицу Лепельского повета Анну Корсак, которая оказалась виновата в перекрещивании с греко-русской в римско-католическую веру своего сына Александра <...>, держать в тюрьме 6 месяцев».

Анна была дворянкой и матерью троих детей. Старший сын Александр родился под Курском, в крошечном городке Миратополе. Оба родителя были католиками, но младенца крестили в православном храме – другого там просто не было. Позже Анна с мужем переехали в Витебскую губернию, там родились младшие дети, и их уже крестили в костеле. После смерти супруга вдова решила перекрестить старшего сына. Об этом стало известно шефу жандармов графу Бенкендорфу. И началось следствие. Оно затянулось на три года, было опрошено 12 свидетелей, дело дошло до императора. Итогом стал «справедливый приговор»: несчастную мать посадили в тюрьму, а ее сына отослали под Санкт-Петербург, к деду по отцовской линии. Причем с того была взята подписка о воспитании внука в православной традиции. Что случилось с другими детьми, неизвестно.

Когда проходит любовь

Если выйти замуж было не так уж просто, то развестись – практически невозможно. Тут каждая конфессия имела свои нюансы. Лучше всего в этом плане дела обстояли у протестантов. Поводом для развода у них могло стать прелюбодеяние, долговременное отсутствие супруга (больше 5 лет), жестокое обращение, попытка убить жену или мужа, психические болезни и даже непреодолимое отвращение к сексуальной жизни.

— Это, кстати, давало неожиданный результат, а именно прекраснейшие семейные отношения у протестантов, — отмечает историк. — Похоже, супруги понимали, что каждый может легко уйти, и больше ценили друг друга.

Католическая церковь разводов не давала вообще — там уж действительно «пока смерть не разлучит». В случае прелюбодеяния или покушения на убийство давался не развод, а так называемая сепарация, то есть раздельное проживание. Супруги разъезжались и могли больше никогда не встречаться, но вступать в новый брак им было нельзя. Единственным шансом разорвать отношения являлось признание брака недействительным с самого начала. Например, если удастся доказать, что муж и жена родственники.

Православная церковь была несколько лояльнее и рассматривала такие поводы для развода, как смерть, прелюбодеяние или двоеженство, бесплодие (если дети не рождались дольше трех лет после заключения брака), злонамеренное оставление супруга.

— Ссоры, избиения — это все было, в том числе и в дворянской среде, тоже. Но государство в это не вмешивалось, а перекладывало ответственность на церковь. А что церковь? У нее же нет своей полиции. Как призывать к ответу? Священник проводил беседы, вот и все, — объясняет историк. — Женщина, спасаясь от побоев, могла

Как Васильев злонамеренно жену оставил

В 1806 году некто Теофилия Гражевич (Васильева в браке) в жалобе на имя минского гражданского губернатора писала, что муж оставил ее вместе с двумя детьми в поместье у своего друга, а сам сбежал в Минск. Имение, к слову, находилось в Слуцком повете. Спустя полгода Теофилия, оставшись без гроша в кармане, вынуждена была пешком вместе с малышами отправиться на поиски благоверного. И она его нашла. Но не одного — Васильев жил с некоей Марией Гольштейн. Последняя поведала следствию, что она и есть законная супруга этого человека. В 1805 году после смерти первого мужа она осталась одна с маленькими детьми и вышла за Васильева по причине нищеты — чтобы прокормить бедных сироток. Венчались же они якобы в церкви, что в Борисове. Но все происходило поздно вечером, и никого в храме, кроме священника и пономаря, не было — а значит, и свидетелей нет. После тщательного расследования, которое состояло в поисках и опросе свидетелей, выяснилось, что настоящая жена Васильева — Теофилия. А Мария призналась, что про венчание она наврала. В результате дело о прелюбодеянии Васильева с Марией Гольштейн было передано из земского суда в консисторию, а затем и в Священный синод. К сожалению, чем закончилась эта история, в документах не говорится.

пойти на ухищрение: оговорить себя – мол, изменила, согрешила, разведите. Но такое тоже не работало. Прелюбодеяние должно было иметь доказательства – верили только свидетельским показаниям.

Если же измену удавалось подтвердить, то и тут бедной жене было несладко. Ведь это считалось преступлением против священного таинства брака. Развод она, конечно, получала, но вместе с епитимьей – вечным безбрачием. А вот супруг не считался виноватым и мог венчаться снова.

В попытке закончить опостылевшие отношения люди иногда сбежали друг от друга – это и называлось злонамеренным оставлением супруга. Но и здесь не все было гладко. Беглец объявлялся в розыск на территории всей Российской империи. Обнаружить его могли через 5 – 10 лет, вырвать из новой семьи и притащить в старое «семейное гнездышко». В этом смысле показательна история коллежского актуариуса Васильева.

Пелагея Пятницкая и ее дети

В 1809 году суд рассматривал дело Пелагеи Пятницкой 23 лет от роду. В вину этой дворянке ставили, что за три года внебрачной связи с Егором Палтусом она прижила двух детей. Первый младенец родился мертвым, и мать закопала его в огороде. Когда же она снова забеременела, Палтус принес «зелья», и через 6 недель случился выкидыш. В качестве наказания на Пелагею наложили епитимью – помещение в слущий женский монастырь на 7 лет. Что случилось с Егором, неизвестно.

Мамины дети

А вот просто завести ребенка в XIX веке было невозможно. Нет, конечно, внебрачные дети появлялись на свет, но ни одна здравомыслящая женщина никогда бы по доброй воле не стала рожать без мужа.

– Дело опять же в том, что все браки были церковные. Они считались святым институтом. Соответственно, действия против брака (рождение младенца не от супруга) являлись преступлением, – объясняет историк.

Отсюда – множество проблем у матери. Во-первых, такой ребенок не получал наследства. Во-вторых, его поражали в правах. В-третьих, не было организаций, которые бы помогали деньгами – и это при том, что женщине было почти невозможно найти работу. При этом клеймо позора ложилось и на мать, и на ее ребенка. Чуть проще в этом плане было тем, у кого есть деньги: тогда новорожденного за вознаграждение можно было пристроить на воспитание в семью мещан или мелкой шляхты. Если же финансов нет – пиши пропало.

Как ни странно, деревенская крестьянская община относилась более лояльно к внебрачным детям. Пальца-

ми, конечно, показывали и шептались поначалу, но потом привыкали – нагуляла и нагуляла. Но это и понятно: общине лишние рабочие руки всегда нужны, а уж законный это ребенок или нет – дело десятое. А вот аристократическое общество безжалостно расправлялось с «преступницами». Общественное мнение преследовало несчастную женщину до конца жизни, и порой это приводило к катастрофическим последствиям.

Пожалуй, в свете всего этого становится намного понятнее трагедия Анны Карениной. Могло ли все обернуться по-иному, живи она, скажем, в Минской губернии? Ведь здесь все обстояло иначе, чем в других частях Российской империи. Люди, зажатые в строгие церковные рамки, нашли способ разрешения подобных ситуаций, пускай и довольно циничный. Не развод, но разъезд – муж и жена, будучи в браке, просто разъезжались по разным городам и каждый вел свою жизнь. Раз в пару лет супруги встречались, муж признавал новых детей – а затем они вновь прощались на годы. Любопытно, что подобные разъезды общество не порицало. Главное – были соблюдены внешние приличия и все дети считались рожденными в браке.

Ни для кого не секрет, что большую часть истории нашей цивилизации женщины занимали в обществе подчиненное положение – были ограничены в правах, а зачастую и просто беззащитны. Но все же степень этой ограниченности и беззащитности могла быть разной. Статут Великого княжества Литовского, по мнению современных историков, да и беспристрастных современников, был весьма прогрессивным сводом законов. И те возможности, которые он открывал для прекрасной половины человечества – лишнее тому подтверждение.

Екатерина Гусева